

надлежит вкратце рассмотреть.

Я утверждаю, что небо Луны похоже на Грамматику благодаря двум свойствам, позволяющим их сравнивать. В самом деле, если хорошо приглядеться к Луне, то на ней видны две особенности, присущие только ей и невидимые на других звездах: одна – тень, находящаяся на ней, которая есть не что иное, как местная разреженность ее тела, в которой лучи Солнца не могут заканчивать свой путь и от которой они не могут отражаться, как это случается в других, незатененных ее частях; вторая – это изменчивость ее свечения, которое проявляется то с одной стороны, то с другой, в зависимости от освещенности Луны Солнцем. Этими двумя свойствами обладает и Грамматика: благодаря ее безграничности лучи разума в ней не заканчивают свой путь, в особенности в области словаря; а светит она то отсюда, то оттуда, поскольку некоторые слова, некоторые спряжения и некоторые построения находятся в употреблении, хотя их раньше и не было, а многие, некогда существовавшие, в будущем еще появятся, как говорит Гораций в начале своей «Поэтики», утверждая, что «многие слова, в свое время погибшие, возродятся».

Небо Меркурия можно сравнивать с Диалектикой благодаря двум ее свойствам. Первое свойство следующее: Меркурий – самая маленькая звезда на небе, ибо длина ее диаметра не превышает двухсот тридцати двух миль, по расчетам Альфрагана, утверждающего, что диаметр Меркурия составляет одну двадцать восьмую часть земного диаметра, равного шести тысячам пятистам милям. Второе свойство Меркурия заключается в том, что солнечные лучи обволакивают его больше, чем любую другую звезду. Оба эти свойства находим и в Диалектике. В самом деле, Диалектика по объему своему меньше любой другой науки, так как она в законченном виде представлена и обоснована в текстах, которые содержатся в «Старом искусстве» и в «Новом искусстве». И она более затуманена, чем всякая другая наука, поскольку в наибольшей степени использует софистические и не вполне достоверные аргументы.

Небо Венеры может сравниться с Риторикой благодаря двум свойствам: ясности ее облика, приятного для зрения, превышающего ясность любой другой звезды, и ее появления и утром и вечером. Оба эти свойства присущи и Риторике, из всех наук наисладчайшей, а к услаждающему она и стремится. Появляется Риторика утром, когда ритор говорит в присутствии слушателей, или позже, вечером, когда он в письмах обращается к тем, кто находится далеко.

Небо Солнца можно сравнить с Арифметикой на основании двух свойств. Во-первых, потому, что все другие звезды получают жизнь от света; во-вторых, потому, что глаз не может смотреть на Солнце. Оба эти свойства обнаруживаются и в Арифметике: в самом деле, все науки освещаются ее светом, ибо предметы всех наук рассматриваются в связи с тем или другим числом и при рассмотрении их всегда применяется число. Подобно тому как в науке о природе предметом служит подвижное тело, именно это подвижное тело включает понятие непрерывности, каковое в свою очередь включает еще понятие бесконечного числа; наиглавнейшая же ее задача заключается в рассмотрении начал природных предметов, а таковых начал три, а именно материя, противоположность формы и сама форма, в которых число и проявляется. Если должным образом во всех тонкостях это продумать, число есть не только во всех вещах вместе взятых, но и в каждой в отдельности; недаром, по словам Аристотеля в первой книге «Физики», Пифагор полагал чет и нечет началами всех природных вещей, считая, что все на свете есть число. Второе свойство Солнца также обнаруживается в числе, которому посвящена Арифметика: действительно, око разума не может его увидеть, ибо число, рассматриваемое в себе, – бесконечно, а этого мы познать не можем.

Небо же Марса можно сравнить с Музыкой по причине двух его свойств. Первое из них – его наилучшее положение относительно других светил, ибо, перечисляя подвижные небеса, откуда бы ни начинать – то ли от самого низкого, то ли от самого высокого, – небо Марса пятое, занимающее среднее положение между всеми остальными, а именно между первыми, вторыми, третьими и четвертыми. Второе свойство – Марс [как говорит Птолемей в сочинении «О четырех частях»] все иссушает и сжигает, так как жар его подобен огненному, поэтому он и кажется огненно-красного цвета, иногда в большей, а иногда в меньшей степени, в зависимости от плотности или разреженности паров, его сопровождающих. Пары эти часто сами по себе воспламеняются, как установлено в первой книге «О Метеорах». Недаром Альбумазор пишет, что воспламенения этих паров предвещают смерть царям и смену царств, ибо таковы действия влияния Марса. Сенека говорит, что перед смертью императора Августа он заметил на небе огненный шар; а во Флоренции накануне ее гибели было видно в воздухе огромное крестообразное